

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Бронзов

Сущность христианского понимания молитвы и обетов

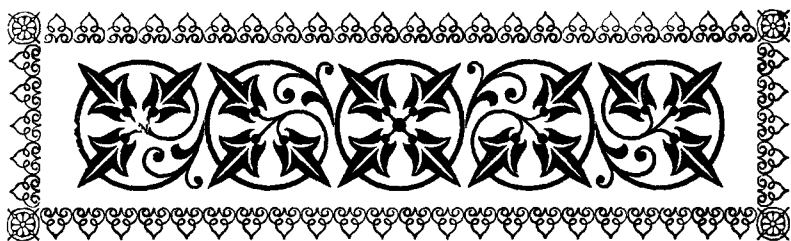
*Опубликовано:
Христианское чтение. 1899. № 1. С. 3-36.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

~~~~~  
Печатать разрѣшается. С.-Петербургъ, 7 декабря 1898 года.  
Экстраординарный профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи  
Александръ Лопухинъ.  
~~~~~


Сущность христіанскаго пониманія МОЛИТВЫ И ОБЪТОВЪ.

ОТЪ КАЖДАГО «новаго года» мы обыкновенно ждемъ и «новаго» (т. е., лучшаго, по сравненію съ прежнимъ) «счастья», новаго «благополучія», и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ — только сохраненія прежняго. Всѣмъ намъ хочется вѣрить, что съ окончаніемъ стараго года сами собою останутся позади и всѣ, дотолѣ тѣснившія насъ, невзгоды, печали, скорби, столь нераздѣльные съ нашимъ бытіемъ въ этой земной юдоли. Отсюда мы привыкли встрѣчать наступленіе поволѣтія болѣе или менѣе торжественно, не на ложѣ сна, а въ бесѣдѣ съ наиболѣе близкими и дорогими намъ людьми. И въ прежнее время, и теперь нѣкоторыя лица, религіозно настроенныя и серьезно понимающія жизнь, встрѣчали и встрѣчаютъ новый годъ молитвою или у себя—въ домѣ, или въ храмѣ Божіемъ; молясь, прося у Бога дней мира и благополучія, въ порывѣ своихъ религіозныхъ чувствъ, одушевляющихъ ихъ въ эту минуту, они иногда молча или торжественно общались и общаются съ своей стороны сдѣлать то или иное... Все это—общеизвѣстные факты.

Отсюда, намъ кажется, не будетъ излишнимъ именно въ настоящемъ случаѣ освѣтить христіанскій взглядъ на сущность *молитвы* и *обѣтовъ*, что мы и сдѣлаемъ, не вдаваясь въ сколько-нибудь излишнія подробности и частности.

И молитвы, и обѣты—это особые виды такъ называемаго Богопочитанія ¹⁾).

I.

Молитва служить прекраснымъ выразителемъ настроенія человѣка, вѣрующаго въ Бога, надѣющагося на Него и любящаго Его.

Что такое—она?

Въ обыденной жизни мы открываемъ свой внутренній міръ предъ окружающими насъ людьми чрезъ посредство слова. Этимъ путемъ сообщаемъ своимъ ближнимъ о своихъ потребностяхъ, высказываемъ благодарность имъ, похвалы или порицанія, учимъ, наставляемъ ихъ, равно какъ и они — насъ и т. д. Слово—это необходимое условіе для какихъ-либо сношеній нашихъ съ людьми. Иногда, конечно, оно замѣняется и жестами..., но послѣдній способъ сношенія съ окружающею насъ средою крайне недостаточенъ и пускается въ ходъ въ рѣдкихъ случаяхъ, понятныхъ каждому. Разъ человѣкъ любитъ Бога, вѣруетъ въ Него и надѣется на Него, разъ вся его жизнедѣятельность — такое или иное отраженіе отношеній, настроенности его въ виду Бога, — естественно утверждать, что и здѣсь умѣстна рѣчь объ аналогичныхъ междучеловѣческихъ отношеніяхъ между человѣкомъ и Богомъ. Человѣкъ, — другими словами, — не можетъ не бесѣдовать съ Богомъ, внѣ связи съ Которымъ онъ не въ состояніи прожить ни одной минуты. А такъ какъ Богъ всевѣдущъ и вседѣющъ, то отсюда для человѣка является больше возможностей и легче сноситься со своимъ Творцомъ, чѣмъ съ людьми, не обладающими ни первымъ, ни вторымъ свойствами: человѣкъ можетъ бесѣдовать съ Богомъ и путемъ внѣшне-произносимаго слова, и путемъ слова внутренне-произносимаго, выражая во всѣхъ этихъ случаяхъ всѣ, волнующія его, чувства и мысли. Вотъ такого-то рода разговоръ или, какъ лучше принято выражаться, бесѣда человѣка со своимъ Творцомъ-Богомъ и есть молитва, — каково бы ни было ея содержаніе—это безразлично. Нѣкоторые моралисты при этомъ подробно разсуждаютъ о томъ, что молитва—дѣло «обязательное» для человѣка. Такія разсужденія, конечно, излишни, если принять во вниманіе уже то только, что нами выше сказано: какъ не можетъ живущій въ общеніи съ дру-

¹⁾ О немъ чит. нашу статью въ декабр. кн. „Христ. Чт.“ за 1898 г.

гими людьми человѣкъ обойтись безъ такой или иной бесѣды съ ними, такъ не въ состояніи обойтись безъ бесѣды съ Богомъ и человѣкъ, не могущій мыслить себя внѣ отношеній къ Богу, какъ во всемъ и всецѣло отъ Него зависимый. Отсюда, въ свою очередь, само собою выясняется и положеніе и о такъ пазываемой постоянной молитвѣ: что бы ни случилось съ человѣкомъ, о чемъ бы онъ ни думалъ..., онъ во всѣхъ этихъ случаяхъ мысленно бесѣдуетъ съ Богомъ, то благодаря Его, то восхваляя Его благость и пр., то прося у Него помощи и совѣта и т. д. Если человѣкъ такъ настроилъ себя, что ни на минуту не забываетъ о своихъ отношеніяхъ къ Богу, что постоянно духъ его бесѣдуетъ съ Творцомъ, то онъ, конечно, получить просимое, — молитва его, какой бы характеръ (= благодарственный ли, хвалебный, просительный) она ни носила, будетъ услышана Богомъ. Высказанныя нами мысли и соображенія находятъ свое подтвержденіе и въ Словѣ Божіемъ, неоднократно и настойчиво говорящемъ о томъ, чтобъ мы *просили, искали, стучали...*, и что при соблюденіи этого условія мы получимъ, найдемъ, намъ будетъ открыто (Мѡ. VII, 7) ¹⁾... *Все, чего ни будете просить въ молитвѣ, говорить Господь, вѣрите, что получите; и будетъ вамъ* (Марк. XI, 24) ²⁾ (см. еще: 1 Тимоѡ. II, 1 и слѣд.; Іак. I, 5; IV, 8; Ісал. CXLIV, 18, 19 и т. д.). При этомъ, совѣтуя христіанамъ молиться Богу *непрестанно* (см., напр., Лук. XX, 36, Ефес. VI, 18, 1 Сол. V, 17 и друг.), Слово Божіе поясняетъ, что въ данномъ случаѣ можетъ быть рѣчь, конечно, о молитвѣ только *духомъ* (Ефес. loc. cit.), такъ какъ молитва другого рода, не прерываемая ничѣмъ инымъ, разумѣется, безусловно невозможна для человѣка, который, какъ именно человѣкъ, не можетъ игнорировать своихъ человѣческихъ потребностей и не удѣлять на удовлетвореніе ихъ извѣстнаго количества времени и т. д. Говоря о разновидностяхъ молитвы, Слово Божіе намѣчаетъ также три главныхъ, т. е., какъ разъ тѣ именно, которыя отмѣчены и нами: *просительную* молитву, *благодарственную* и *хвалебную*. *Умилостивительная* молитва, нѣкоторыми ставимая особо отъ тѣхъ трехъ ея видовъ, въ дѣйствитель-

¹⁾ *Просите, и дастся вамъ, ищите, и обряцете, тоцйте, и отвѣрзется вамъ...*

²⁾ *Вся, елика аще молящеся просите, вѣруйте, яко пріемлете: и будетъ вамъ...*

ности входить въ объемъ просительной, какъ то видно рѣшительно изъ всѣхъ, трактующихъ о данномъ предметѣ, библейскихъ мѣстъ. Человѣкъ имѣетъ слабыя силы, недостаточныя ни для того, чтобъ при помощи ихъ только могъ спастись, ни для того, чтобы при ихъ содѣйствіи только могъ благополучно вести даже и внѣшнюю—матеріальную свою жизнь. Все это—прекрасно извѣстно всѣмъ. Отсюда просительный элементъ въ человѣческой молитвѣ безусловно неизбѣженъ, — онъ постоянно имѣетъ въ ней мѣсто и санкціонируется самимъ Словомъ Божиимъ многократно (см., напр., Мо. VII, 7: мѣсто приведено выше по русск. и *слав.* текст.; Иоан. XVI, 23, 24; Филипп. IV, 6 и друг.). Если мы получаемъ какую-либо услугу со стороны нашихъ ближнихъ, то естественнымъ, какъ бы невольно возникающимъ въ насъ, чувствомъ является признательность къ нимъ, наша благодарность. Это тѣмъ болѣе должно сказать въ томъ случаѣ, когда имѣются въ виду благодѣянія, оказываемыя человѣку Богомъ,—тѣмъ болѣе потому именно, что такія благодѣянія получаютъ человѣкомъ во множествѣ и, при томъ, постоянно. Человѣкъ всѣмъ обязанъ Богу и только Ему. Отсюда благодарственный элементъ молитвы человѣка также необходимъ и естествененъ, что также отмѣчается Словомъ Божиимъ многократно (см., напр., Филипп. IV, 6; 1 Тимоѳ. II, 1 и т. д.) Если человѣкъ чѣмъ-либо прекраснымъ выделяется надъ толпой: наприм., умомъ, доблестями и т. д., то онъ обыкновенно окружается ореоломъ славы и чѣмъ сильнѣе его качества заявляютъ о себѣ въ окружающей средѣ, тѣмъ сильнѣе его и хвалятъ... Чтò говоримъ о такого рода человѣкѣ лишь въ крайне ограниченномъ только смыслѣ, то должно быть сказано въ смыслѣ безусловно-безограничительномъ въ отношеніи къ Богу, обладающему всесовершеннѣйшими свойствами, которыя проявляются въ мірѣ блистательнѣйшимъ образомъ. Дѣло восхваленія Бога со стороны человѣка—не только вполне понятное, но настолько естественное, что иное отношеніе человѣка къ Богу было бы равносильно отрѣшенію человѣка отъ прямыхъ требованій его природы. Отсюда и хвалебный элементъ молитвы отмѣчается Словомъ Божиимъ также настойчиво и часто (см., напр., Мо. XI, 25; Римл. XV, 6 и т. д.).—Итакъ, чтò такое молитва, почему она — неизбѣжное достояніе всякаго истиннаго христіанина, почему послѣдній непрестанно настроенъ молитвенно, почему онъ вообще можетъ рассчитывать на богоугодность своихъ молитвъ, почему, наконецъ,

послѣднія отмѣчены или просительнымъ, или благодарственнымъ, или хвалебнымъ моментами (при чемъ въ иной молитвѣ присущи на—лице всѣ они),—все это со стороны существа разяснено. Большинство моралистовъ-богослововъ затѣмъ поднимаютъ и разсматриваютъ вопросы: о *предметъ* нашихъ молитвъ и о тѣхъ *условіяхъ*, при наличности которыхъ тѣ могутъ быть услышаны Богомъ. Касаясь перваго вопроса, приводятъ различныя мнѣнія, по одному изъ которыхъ предметъ нашихъ молитвъ являются отдѣльные случаи изъ нашей жизни, вообще нѣчто частное, отдѣльное. тогда какъ по другому—нѣчто общее, касающееся всей нашей личности. всей нашей жизни. Находя то и другое изъ этихъ мнѣній крайнимъ и несогласнымъ со смысломъ Слова Божія, они ищутъ истины въ срединѣ... Намъ кажется, что всѣ такія разсужденія—отчасти (если не болѣе того) излишни. Опредѣляя выше молитву, какъ своего рода собесѣдованіе человѣческаго духа съ Богомъ, отмѣчая, что молитвенное настроеніе должно быть постояннымъ въ нашемъ Я, мы eo ipso предрѣшили и вопросъ о предметахъ нашихъ молитвъ. Такими предметами могутъ быть и должны быть рѣшительно всѣ отдѣльные моменты нашей жизнедѣятельности,—будутъ ли они важны, общи..., или незначительны, частны...,—безразлично, лишь бы при этомъ не привходилъ въ ихъ область нравственно-дурной элементъ... Рѣшительно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы можемъ или просить себѣ у Бога помощи, или благодарить Его, или хвалить, славословить Его, равно какъ можемъ съ полнымъ же правомъ дѣлать все тоже и относительно общихъ какихъ-либо нашихъ предначинаній, предположеній и пр. Мытарь возсылалъ къ Богу только общую молитву (*Боже! будь милостивъ ко мнѣ, грѣшнику!* Лук. XVIII, 13) ¹⁾, и молитва его оказалась надлежащей (—14) ²⁾, какъ соотвѣтствовавшая тому положенію, въ какомъ тотъ находился. Съ другой стороны, ап. Павелъ пишетъ филиппійцамъ: *не заботьтесь ни о чемъ, но всегда въ молитвѣ и прошеніи съ благодареніемъ открывайте свои желанія предъ Богомъ* (IV, 6) ³⁾. По смыслу совѣта св. апостола, мы можемъ обращаться къ Богу со своими

¹⁾ *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному...*

²⁾ *...сиде сей оправданъ въ домъ свой наче онаго* (т. е., фарисея)...

³⁾ *Ни о чемъ же печетесь, но во всемъ молитвою и моленіемъ, со благодареніемъ прошенія ваша да сказуются къ Богу.*

молитвами рѣшительно *всегда*, о *чемъ* бы ни пришлось просить Бога (разумѣется, въ предѣлахъ нравственно-дозволеннаго). Самъ Господь, научая насъ молиться, предложилъ намъ образецъ молитвы: «*Отче нашъ*»... (Лук. XI, 1—4). Въ числѣ прошеній, находящихся въ этой молитвѣ, есть и прошенія самаго общаго характера: *да святится имя Твое; да придетъ царствіе Твое; да будетъ воля Твоя...; и остави насъ долги наша...; и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго*; но есть и весьма частнаго, спеціальнаго: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь*...—Словомъ, считая рѣшеніе разсматриваемаго вопроса намѣченнымъ въ достаточной степени, переходимъ къ дальнѣйшему. Итакъ, при какихъ *условіяхъ* молитвы наши бываютъ угодны Богу? И на этотъ вопросъ отвѣтъ ясенъ самъ собою. Въ обыденной жизни мы въ томъ только случаѣ рассчитываемъ на успѣхъ своихъ просьбъ, обращенныхъ къ тому или иному лицу, если отношенія наши къ послѣднему нормальны и если положеніе наше въ данную минуту оправдываетъ собою эти просьбы. Тоже слѣдуетъ сказать, когда подлежить обсужденію и поставленный выше вопросъ. По-мимо того, что положеніемъ нашимъ должна оправдываться всякая наша, обращенная къ Богу, молитва (это ужъ разумѣется само собою), мы должны стоять въ наиболѣе нормальныхъ отношеніяхъ къ Господу, у Котораго просимъ того или иного. А каковы именно отношенія наши къ Богу могутъ быть признаны нормальными, объ этомъ въ свое время уже было подробно говорено ¹⁾. Въ частности, наше существо должно быть проникнуто чувствомъ любви къ Богу, вѣрой и надеждой въ отношеніи къ Нему. При наличности этихъ условій, несомнѣнно Господь услышитъ наши молитвы. Слово Божіе подтверждаетъ наши соображенія и общими замѣчаніями, и частными. Такъ, смотря на дѣло съ общей точки зрѣнія, оно говоритъ: *грѣшниковъ Богъ не слушаетъ; но кто чтитъ Бога и творитъ волю Его, того слушаетъ* (Іоан. IX, 31 ²⁾). Другими словами, человѣкъ, обращающійся къ Богу съ молитвою, долженъ предварительно позаботиться о созданіи своего *Я*, которое, т. е., *Я*, стояло бы въ гармоніи съ содержаніемъ вѣдній Божіихъ, обращенныхъ къ лю-

¹⁾ См. нашу статью въ декаб. кн. „Хр. Чт.“ за 1898 г.

²⁾ ... *грѣшники Богъ не послушаетъ: но аще кто богоугоденъ есть и волю Его творитъ, того послушаетъ.*

дямъ. А это именно и значить, что онъ, какъ сказано выше, предварительно долженъ стоять въ нормальныхъ отношеніяхъ къ Богу... (ср. также Лук. VI, 46). Человѣкъ, внутренній міръ котораго настроенъ иначе, не имѣетъ данныхъ рассчитывать на успѣхъ своихъ молитвъ: *кто отклоняетъ ухо свое отъ слушанія закона, говоритъ премудрый Соломонъ, того и молитва—мерзость* (Притч. XXVIII, 9 ¹). Это именно обстоятельство, т. е., грѣховную настроенность, особенно настойчиво отгѣнялъ и пр. Исаія, когда говорилъ о причинахъ, по которымъ Господь не слушалъ молитвъ іудейскаго народа: *беззаконія ваши, говоритъ, между прочимъ, этотъ пророкъ народу, произвели раздѣленіе между вами и Богомъ вашимъ, и грѣхи ваши отвращаютъ лице Его отъ васъ, чтобы не слышать...* (Ис. LIX, 2, 1, 3 и др. ²). Итакъ, дѣло ясно. На этомъ можно бы и покончить съ даннымъ вопросомъ, но, въ видахъ нѣкоторой полноты отвѣта на послѣдній, коснемся нѣкоторыхъ частныхъ разъясненій его Словомъ Божіимъ. Во многихъ мѣстахъ оно предъявляетъ къ обращающемуся къ Богу съ молитвою человѣку требованіе, чтобъ онъ вѣровалъ въ Господа. При наличности этого условія оно обѣщаетъ молящемуся несомнѣнный успѣхъ: *все, чего ни попросите въ молитвѣ съ вѣрою, получите* (Матѹ. XXI, 22 ³) (см. еще: Іак. I, 6, 7; ср. Евр. XI, 6 и друг.). Малѣйшая доля сомнѣнія, привзошедшая въ молитву, уже совсѣмъ видоизмѣняетъ дѣло: каждый *да проситъ съ вѣрою, ни мало не сомнѣваясь, потому что сомнѣвающийся подобенъ морской волнѣ, вътрюмъ поднимаемой и развѣваемой. Да не думаетъ такой человѣкъ получить что нибудь отъ Господа* (Іак. I, 6, 7 ⁴). Почему вѣрѣ придается такое значеніе, понятно въ виду того, что было о ней сказано нами въ свое время. Особенно ударяя на *вѣрѣ*, Слово Божіе, конечно, не исключаетъ здѣсь изъ объема ея и двухъ другихъ богословскихъ добродѣтелей, о неразрывной связи которыхъ съ нею

¹) Уклоняя ухо свое не послушати закона, и самъ молитву свою омерзиль.

²) ... грѣси ваши разлучаютъ между вами и между Богомъ, и грѣсъ ради вашихъ отврати лице Свое отъ васъ, еже не помиловати (ст. 2) ■ т. д.

³) И вся, елика аще воспросите съ молитвѣ, вѣрующе, пріимете.

⁴) Да проситъ же вѣрою, ничтоже сумняся: сумняся бо уподобилъ волненію морскому вѣтры возметаему и развѣваему. Да не мнитъ бо человекъ оны, яко пріиметъ что отъ Бога.

уже было въ свое время говорено ¹⁾). Хананейка, съ горячею вѣрою и твердою надеждою умолявшая Господа объ исцѣленіи ея дочери, получила то, о чемъ молила (Матѳ. XV, 22—28). Разсказъ объ этомъ передается въ Евангеліи, между прочимъ, и съ тою, конечно, цѣлію, чтобы научить насъ, *какъ* надлежитъ молиться... Вдова, неотступно просившая неправеднаго судью защитити ее отъ ея соперника, надѣявшаяся, что судья, даже и неправедный, въ концѣ концовъ исполнитъ ея просьбу, достигла успѣха (Лук. XVIII, 1—5). Эта притча даетъ и намъ урокъ: надежда на неправеднаго судью не посрамила вдовы, тѣмъ болѣе исполненная *надежды* молитва ко всеправедному Судіи увѣнчается успѣхомъ (—7...). Во всѣхъ этихъ случаяхъ вѣра и надежда неотдѣлимы—одна отъ другой. *Любовь* человѣка къ Богу проявляется весьма паглядно въ любви человѣка къ человѣку же, какъ образу Божію. Это — ясно; и рѣчь объ этомъ у насъ была въ свое время ²⁾. Здѣсь же отбѣнимъ ту мысль, что указанное проявленіе любви человѣческой къ Богу является, по слову Писанія, однимъ изъ необходимыхъ условій богоугодности нашей молитвы, ея успѣшности. *Если ты, говоритъ Господь, принесешь даръ твой къ жертвеннику, и тамъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ что нибудь противъ тебя,—оставь тамъ даръ твой предъ жертвенникомъ и пойди, прежде примиришься съ братомъ твоимъ, и тогда приди, и принеси даръ твой* (Мо. V, 23, 24 ³⁾). *Когда стоите на молитвѣ, прощайте, если что имѣете на кого, дабы и Отецъ вашъ небесный простилъ вамъ согрѣшенія ваши...* (Марк. XI, 25 ⁴⁾).—Итакъ, и частныя разъясненія даннаго вопроса Словомъ Божіимъ настойчиво говорятъ о вѣрѣ, надеждѣ, любви къ Богу, какъ необходимыхъ условіяхъ успѣшности всякой нашей молитвы. При этомъ, какъ мы видѣли, Слово Божіе выдвигаетъ на первый планъ въ одномъ случаѣ вѣру, въ другомъ — надежду, въ иномъ — любовь, не возвышая и не унижая ихъ другъ предъ другомъ, но по особымъ, скрывающимся каждый разъ въ кон-

¹⁾ См. нашу статью въ „Хр. Чт.“ (дек. 1898 г.).

²⁾ См. нашу статью въ „Хр. Чт.“ (нояб. 1897 г.).

³⁾ *Аще убо принесеши даръ твой ко алтарю, и тупомянеши, яко братъ твой имаетъ нечто на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и иди прежде смириися съ братомъ твоимъ, и тогда прииди, и принеси даръ твой.*

⁴⁾ *И егда стоите молящеся, отпущайте, аще что имаете на кого: да и Отецъ вашъ, иже есть на небесахъ, отпуститъ вамъ согрѣшенія ваша...*

текстѣ рѣчи, причинамъ...—О многихъ другихъ мѣстахъ Писанія, имѣющихъ отношеніе къ нашему вопросу, не считаемъ уже нужнымъ говорить, такъ какъ сказаннымъ послѣдній выясненъ вполне достаточно и такъ какъ тѣ мѣста говорятъ или о предметахъ, уже само собою понятныхъ въ виду важности акта молитвы (напр., что необходимо прежде, чѣмъ приступить къ ней, приготовить свое *Я* должнымъ образомъ, т. е., настроить себя надлежаще...: I. Сир. XVIII, 23 и друг.), или о такихъ, которые естественно предполагаются богословскими добродѣтелями—прямо или косвенно [напр., что молящійся долженъ заботиться о пріобрѣтеніи настроенія, подобнаго настроенію не фарисея, а мытаря (Лук. XVIII, 10 и слѣдующ.), помня слова псалмопѣвца: *сердца сокрушеннаго и смиреннаго Ты не презришь, Боже* (Псал. I, 19 ¹), а также и Самого Бога: *вотъ, на кого Я призрю: на смиреннаго и сокрушеннаго духомъ* и т. д. (Исаи LXVI, 2 ²). Говоря о моментахъ, не совпадающихъ съ истиннымъ понятіемъ надежды, мы, между прочимъ, указывали—какъ на одинъ изъ такихъ моментовъ—на самонадѣянность, контрастомъ которой, слѣдовательно, началомъ, растворяющимся въ содержаніи истинной надежды, и будетъ указываемое въ только что отмѣченныхъ библейскихъ мѣстахъ и т. п. и т. п.] и проч.—Конечно, и при наличности всѣхъ вышеназванныхъ условій, молитва можетъ быть не услышана Богомъ, но это—уже не по винѣ молящагося, а въ силу особыхъ цѣлей Божія Домостроительства о спасеніи человѣческаго рода. Для иллюстраціи дѣла укажемъ, напр., на известную—настойчивую молитву св. ап. Павла объ удаленіи отъ него ангела сатаны. Господь не внялъ молитвѣ апостола, указавъ ему на Свою благодать, данную ему, какъ на силу, которой для него въ данномъ случаѣ было вполне достаточно для борьбы съ тѣмъ противникомъ (2 Кор. XII, 7—9). Можно въ известномъ смыслѣ и степени припомнить здѣсь же о молитвѣ Господа въ Геосиманскомъ саду (Мѡ. XXVI, 39 и др.)...

Въ обыденной жизни случается, что субъектомъ, обращающимся къ кому-либо съ просьбой, бываетъ или одно лицо, или цѣлое собраніе лицъ. Въ первомъ случаѣ имѣетъ мѣсто частная просьба, во второмъ—общественная. Содер-

¹) *Сердца сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ...*

²) *На кого воззрю? Токмо на кроткаго и молчаливаго...*

жаніе тѣхъ и другихъ просьбъ—самое разнообразное: не только вторыя, но и первыя имѣютъ иногда объектомъ общественные или, во всякомъ случаѣ, не единоличныя интересы; съ другой стороны, не только первыя, но иногда и послѣднія имѣютъ иногда своимъ объектомъ интересы частнаго, отдѣльнаго лица и т. под. Къ просьбамъ, идущимъ отъ лица цѣлаго общества людей, обыкновенно обращаются для того, чтобъ указать на степень важности, на степень значимости ихъ. Отсюда такія просьбы удовлетворяются сравнительно чаще: общее мнѣніе, общій голосъ менѣ субъективны, болѣе правдивы, чѣмъ мнѣніе и голосъ одного лица, и потому скорѣе могутъ привлечь къ себѣ—кого надлежитъ... — Все это находитъ себѣ нѣчто совершенно аналогичное въ томъ, что на богословскомъ языкѣ извѣстно подъ именемъ молитвы. Послѣдняя также бываетъ и *чистою*, и *общественною*: каждый изъ насъ — христіанъ—постоянно молится частнымъ образомъ, встаетъ ли утромъ со своего ложа, дѣлаетъ ли что, отправляется ли куда, ложится ли спать и т. д. При этомъ, если мы совершаемъ свою молитву видимымъ для другихъ образомъ, то въ этомъ случаѣ (разумѣется частная именно молитва) Словомъ Божиимъ рекомендуется намъ уединяться, чтобъ какимъ-либо образомъ не пострадала чистота нашей молитвы (Мѡ. VI, 6). Общественная молитва рекомендуется Самимъ Господомъ весьма ясно: *идѣ двое или трое, говорить Оупъ, собраны во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ* (Мѡ. XVIII, 20 ¹). Смыслъ мѣста не нуждается въ какихъ либо комментаріяхъ. О томъ, что св. апостолы, слѣдуя совѣту своего Господа, молились вмѣстѣ, находимъ не мало свидѣтельствъ въ кн. Дѣяній Апостольскихъ. *Всѣ они, читаемъ въ одномъ мѣстѣ* (I, 14 ²), *единодушно пребывали въ молитвѣ и моленіи, съ нѣкоторыми женами и Марією, Матерію Іисуса, и съ братьями Его* (сравн. II, 1); и они, читаемъ въ другомъ мѣстѣ (II, 42 ³) о принявшихъ христіанство, *постоянно пребывали въ ученіи Апостоловъ, въ общеніи и преломленіи хлѣба и въ молитвахъ* (ср.—46).

¹) Идѣже бо еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посреди ихъ.

²) *Сѣи вси бяху терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи, съ женами и Марією—Матерію Іисусовою, и съ братією Ею...*

³) *Бяху же терпяще во ученіи Апостолъ и во общеніи и въ преломленіи хлѣба и въ молитвахъ...*

Общественная молитва, получившая широкое употребленіе среди апостоловъ и первенствующихъ христіанъ, затѣмъ окончательно привилась въ христіанскомъ обществѣ, опредѣленно отлившись въ извѣстныя формы такъ называемаго общественнаго богослуженія. Идя на встрѣчу своимъ членамъ, христіанская церковь искони составила множество образцовъ молитвъ всякаго рода и рѣшительно на всякіе жизненные случаи, при томъ, образцовъ не только молитвъ общественныхъ, но и частныхъ. Говорить объ нихъ предъ читателями, постоянно пользующимися ими или слушающими ихъ изъ устъ другихъ, было бы всецѣло излишне. Что касается видовъ общественныхъ моленій, то они, какъ читателямъ также прекрасно извѣстно, многоразличны: читателямъ конечно, отлично извѣстны особенности и значеніе утреннихъ, дневныхъ, вечернихъ и пр. богослуженій, молебновъ, панихидъ и т. д. и т. д. Отсюда въ подробности входить намъ не предстоитъ ни малѣйшей надобности. Виды частныхъ молитвъ также различны: съ одной стороны, люди молятся то стоя, то колѣнопреклоненные, то распростершись ницъ и т. д., съ другой, то благодарятъ Бога или святыхъ Его — посредниковъ между ними и Богомъ и ходатаевъ нашихъ предъ Божиимъ престоломъ, то славословятъ ихъ, то просятъ ихъ и т. п. Все это, какъ извѣстное читателямъ въ достаточной мѣрѣ, здѣсь только намѣчается нами. — Что касается сравнительнаго значенія частныхъ молитвъ и общественныхъ или общественнаго Богослуженія, то всѣ преимущества, конечно, находятся на сторонѣ послѣдняго и по яснымъ причинамъ. Эти причины отчасти тѣ же, по какимъ, какъ мы видѣли, и въ обыденной жизни перевѣсъ находится на сторонѣ общественныхъ ходатайствъ и просьбъ всякаго рода. Но главнѣйшимъ образомъ разсматриваемыя причины кроются въ другомъ источникѣ: въ томъ, что въ Церкви живетъ Духъ Святый, что здѣсь совершаются божественныя и спасительныя таинства. Это—такія уже условія, наличностью которыхъ совершенно исключается возможность сопоставленія частныхъ молитвъ съ общественнымъ Богослуженіемъ со стороны ихъ значенія. Однако, сами по себѣ частныя молитвы сохраняютъ все свое значеніе, какое было выше намѣчено. Онѣ имѣютъ даже ту выгодную сторону, что къ нимъ прибѣгать всякій можетъ—когда ему угодно, чего нельзя сказать объ общественномъ богослуженіи, совершаемомъ въ опредѣленные времена и т. д. Осо-

бенно надлежитъ имѣть это въ виду, когда рѣчь идетъ о людяхъ, живущихъ вдали отъ храмовъ и не имѣющихъ возможности посѣщать ихъ болѣе или менѣе часто. А насколько сильны частныя молитвы, объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленные житія различныхъ (особенно) древнихъ пустынниковъ, цѣлыя десятки лѣтъ жившихъ въ самомъ строгомъ уединеніи и при помощи своихъ молитвъ побѣждавшихъ свои страсти, угождавшихъ Богу и т. д. Вообще частная и общественная молитвы взаимно дополняютъ—одна другую, составляя собою одно цѣлое, являющееся въ рукахъ человѣка весьма сильнымъ средствомъ къ устроенію счастія его и здѣсь—на землѣ, и въ потустороннемъ мірѣ. Иное сопоставленіе молитвъ того и другого рода, кромѣ сдѣланнаго выше, напр., отбѣненіе обстоятельства, что частная молитва можетъ совершаться всякимъ, а что въ общественной главными дѣйствующими лицами являются пастыри Церкви и т. д.,—на нашъ взглядъ, излишне: оно не сказало бы много существеннаго для нашихъ именно цѣлей. Отсюда рѣчь о немъ прекращаемъ.

Съ молитвою (особенно общественною) соединены различныя требованія отъ человѣка касательно *почитанія* имъ храмовъ, *чествозанія воскресныхъ и праздничныхъ дней*, *соблюденія постовъ* и т. д. — Домъ, гдѣ живетъ царь земной, заботящійся о нашемъ благополучіи, отсюда—исполняющій всѣ наши резонныя просьбы..., пользуется въ нашемъ сознаніи извѣстнымъ почетомъ въ извѣстномъ также смыслѣ. И это—естественно. *Храмъ* — домъ Самого Бога—небеснаго Царя. Въ храмъ мы возносимъ свои молитвы къ верховному Промыслителю о насъ, всегда пекущемуся о насъ. Естественно оказывать соотвѣтствующее важности и значенію храма и почтеніе къ нему. Такъ мы и смотримъ на дѣло. Чтобы наиболѣе твердо обосноваться, укажемъ извѣстный случай изъ жизни Спасителя, изгнавшаго изъ храма засѣвшихъ было тамъ продавцевъ и покупателей, мѣняль и т. д. Основаніе, по которому Господь поступилъ такъ, Имъ же указывается: *написано, говорилъ Онъ, домъ Мой домомъ молитвы наречется; а вы сдѣлали его вертепомъ разбойниковъ* (Мф. XXI, 12, 13 ¹), Мрк. XI, 15 — 17. Лук. XIX, 45, 46. Іоан. II,

¹) И вниде Іисусъ въ перковь Божию, и изна вся продающія и купующія въ перкви, и трапезы торжниковъ испроверже, и сѣдалница продающихъ голуби. И глагола имъ: писано есть, храмъ Мой, храмъ молитвы наречется: вы же сотвористе и вертепъ разбойниковъ.

14 — 16). Господь показалъ намъ образецъ отношенія къ храмамъ, которому надлежитъ послѣдовать и всѣмъ. — Въ храмѣ много предметовъ, имѣющихъ священное значеніе. Эти предметы всѣмъ прекрасно извѣстны, и перечислять ихъ нѣтъ надобности. Наше уваженіе естественно должно простираться и на нихъ, поскольку имъ присуще указанное значеніе. Это понятно уже само собою. Очевидно также и то, что наши чувства къ храму и его святынямъ, а равно и къ служителямъ алтаря, словомъ, ко всему, что тѣсно связано съ общественнымъ богослуженіемъ, должны носить не одинъ платоническій только характеръ, но — проявляться и болѣе ощутительнымъ образомъ, прямыя данныя относительно чего находимъ и въ самомъ Писаніи. Не говоримъ уже о пожертвованіи на храмъ, сдѣланномъ бѣдною вдовою и одобренномъ Самимъ Господомъ, потому что въ данномъ случаѣ центр тяжести лежитъ въ иномъ нѣсколько, а не въ томъ, что нами говорится, не въ томъ, т. е., что *должно* жертвовать на храмъ, хотя это обстоятельство косвенно и предполагается (Мрк. XII, 41—44). Самъ Господь жертвуетъ на храмъ требовавшуюся отъ іудея подать: именно — двѣ драхмы (Мо. XVII, 24, 25, 26, 27). Онъ же ясно даетъ понять, что служители Церкви, какъ такіе, имѣютъ право на требованіе себѣ отъ христіанъ матеріальной поддержки. Для удостовѣренія въ этомъ припомнимъ совѣтъ Его двѣнадцати ученикамъ, отправлявшимся на проповѣдь, *не брать съ собою ни золота, ни серебра, ни мѣди, ни сумы, ни двухъ одеждъ, ни обуви, ни посоха; ибо, говорилъ Господь, трудящійся достоинъ пропитанія* (Мѡ. X, 9—10 ¹). Сказанное къ апостоламъ всецѣло приложимо и къ находящимся въ тождественномъ съ ихъ положеніемъ служителямъ алтаря: не вынужденные заботиться о своемъ пропитаніи — они *только* и могутъ надлежащимъ образомъ исполнять свой долгъ. Мысль, высказанная Спасителемъ, повторяется и Его св. апостоломъ Павломъ: *развѣ не знаете, говоритъ онъ, что священнодѣйствующіе питаются отъ святилища, что служащіе жертвеннику берутъ долю отъ жертвенника? Такъ и Господь повелѣлъ проповѣдующимъ Евангеліе жить отъ благовѣствованія* (1 Кор. IX, 13, 14 ²)...

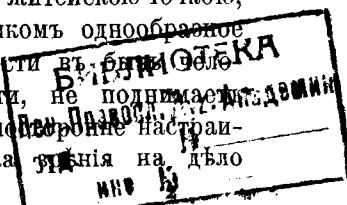
¹) Не стяжите золота, ни серебра, ни мѣди..., ни пиры въ путь, ни двояго ризу, ни сапогъ, ни жезла: достоинъ бо есть дѣлатель мзды своея.

²) Не въсте ли, яко дѣлающіи священная отъ святилища ядятъ? и слу-

Впрочемъ, все сказанное нами относительно нашихъ нормальныхъ отношеній къ храму, его святынямъ и его служителямъ прекрасно сознается всѣми. Поэтому, отмѣтивъ данное обстоятельство, идемъ дальше. Съ вопросомъ относительно общественной молитвы тѣсно связанъ вопросъ о *празднованіи воскреснаго дня и вообще о почитаніи* такъ называемыхъ *праздничныхъ дней*, установленныхъ Церковію. Въ эти дни, какъ извѣстно, въ храмахъ совершается богослуженіе, въ извѣстной степени принаровленное къ воспоминаемымъ въ нихъ событіямъ и лицамъ. Въ свободное отъ общественной молитвы время хрістіане, въ эти дни не занимаясь обычными будничными работами, направленными къ снисканію матеріальнаго пропитанія, занимаются другими дѣлами: или ведутъ приличествующія празднику бесѣды, или читаютъ Слово Божіе и книги религіозно-нравственнаго характера, или позволяютъ себѣ какія-либо иныя (невинныя) развлеченія: занятіе музыкой, пѣніемъ, нѣкоторыми играми, чтеніемъ полезныхъ «свѣтскихъ» книгъ и т. д. Основаній, оправдывающихъ подобное провозженіе праздничныхъ и воскресныхъ дней, много. Прежде всего взглянемъ на дѣло съ чисто-житейской точки зрѣнія. Одинъ день отдыха отъ обычныхъ — тяжелыхъ и однообразныхъ работъ необходимо обособлять въ ряду извѣстнаго количества другихъ дней. Этотъ отдыхъ вноситъ полезное для физическаго и духовнаго организма человѣка разнообразіе и дѣйствуетъ на него освѣжающимъ образомъ, давая ему возможность съ новымъ запасомъ силъ и энергіи и даже съ болѣею охотою на слѣдующій день снова приниматься за свои обычныя дѣла. Дѣло обстоитъ несомнѣнно такъ, если только данные дни проводятся вышеуказаннымъ образомъ: иначе получится какъ разъ противоположное слѣдствіе. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ, какъ часто пьянствуетъ въ эти дни простой—необразованный людъ и къ чему это приводитъ? Кто, если не родился, а по крайней мѣрѣ, жилъ въ деревнѣ, тотъ знаетъ все это хорошо. Въ большихъ же центрахъ, гдѣ существуютъ фабрики и заводы..., происходятъ еще большія безобразія, опять-таки всѣмъ извѣстныя. Но и такъ называемая интеллигенція часто проводитъ данные дни не менѣе преступно, чѣмъ необразованная масса народа, и даже болѣе

жизни олтарею, со олтарею дѣлается? Тако и Господь повелъ проповѣдающимъ благовѣстіе отъ благовѣстія жити.

преступно и потому именно, что она — «интеллигенція». Чтобы убѣдиться въ этомъ, вспомнимъ, напр., только объ извѣстной игрѣ въ карты, всецѣло владѣющей извѣстнымъ также сортомъ людей: за этою игрою проводятся не только дни, но и ночи, и даже чаще именно ночи; участники игры сидятъ съ воспаленными глазами, крайне напряженные, не могутъ спокойно отнестись ни къ одной ошибкѣ партнёра и въ концѣ концовъ часто лишаются трудомъ добытыхъ средствъ къ существованію и т. д. Картина — всѣмъ извѣстная! И чтоже дальше? Изъ за карточного стола нерѣдко прямо и отправляются игроки «на службу». Здѣсь уже получается, слѣдовательно, не отдыхъ, а наоборотъ: еще большее ослабленіе силъ. Итакъ — изо дня въ день, изъ года въ годъ! Наше время — время погони за наслажденіями всякаго рода и живою всякими средствами даетъ обильнѣйшій матеріалъ для составленія понятія о томъ, какъ проводить праздничное время и пресловутая «интеллигенція» (конечно, не вся, а извѣстная ея часть). Не касаемся, однако, другихъ подробностей и здѣсь, потому что онѣ извѣстны читателямъ. Повторяемъ: подобное (ненормальное) провозженіе данныхъ дней нами въ виду не имѣется, когда говоримъ о пользѣ установленія извѣстныхъ дней отдыха, оправдываемой житейскою точкою зрѣнія на дѣло. Умалчиваемъ уже о многомъ другомъ: о томъ, напр., что при паличныхъ условіяхъ жизни многіе представители семьи, съ утра до вечера проводящіе на работахъ гдѣ либо на фабрикѣ и пр., только въ дни отдыха и могутъ побесѣдовать со своею семьею, дать членамъ ея извѣстныя руководственныя правила жизни и т. д. Прицая вышеотмѣченную (къ сожалѣнію, сильно дающую о себѣ знать) крайность, съ такимъ же чувствомъ относимся и къ противоположной ей — другой крайности. Нѣкоторые лица, какъ бы будучи дѣтьми древнихъ евреевъ или новѣйшихъ пуританъ и подобныхъ имъ людей, отрицательно относится ко всякаго рода даже вполне невиннымъ развлеченіямъ въ разсматриваемые нами дни, находя ихъ нравственно-дурными. Такой взглядъ не можетъ быть оправданъ житейскою точкою, на которой пока мы только и стоимъ. Слишкомъ однообразное провозженіе данныхъ дней, не внося живости въ бѣгущее дѣло, вносить, напротивъ, элементъ сухости, не поднимаетъ силъ и энергіи, а скорѣе давитъ ихъ, однообразіемъ настраиваетъ чело- вѣка и т. д. — Житейская точка зрѣнія на дѣло

подкрѣпляется и откровенной. Извѣстна всѣмъ 4-я заповѣдь Моисеева 10-словія о посвященіи седьмого (субботняго) дня недѣли Господу Богу и о совершеніи человекомъ всѣхъ житейскихъ дѣлъ въ теченіи остальныхъ шести дней недѣли (Исх. XX, 8—10). Съ наступленіемъ новозавѣтныхъ временъ это постановленіе осталось во всей силѣ, впрочемъ, съ тою разницею, что вмѣсто дня субботняго днемъ для служенія Богу избрано воскресенье (—1-й день недѣли) въ воспоминаніе славнаго воскресенія Господня. Начало данного празднованія относится къ первымъ днямъ существованія на землѣ христіанства. Такъ, въ книгѣ Дѣяній Апост. говорится, что *въ первый день недѣли, когда ученики собрались для преломленія хлѣба* и т. д. (XX, 7). Судя по ходу рѣчи, они собрались въ силу уже нѣкотораго какъ бы обычая (ср. 1 Кор. XVI, 2; 2 Тим. II, 8. Ср. отч. Апокал. I, 10 и др.). Затѣмъ съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія церковной жизни, дѣло укрѣпилось окончательно, при чемъ по различнымъ причинамъ, помимо воскресенья, отмѣчены церковію и нѣкоторые иные дни въ году для провозженія ихъ въ праздничномъ смыслѣ. Словомъ, въ пользу праздниковъ, какъ такихъ, высказывается не только Слово Божіе, но и св. Преданіе христіанской Церкви. Все это — истины, прекрасно извѣстныя и потому, лишь отмѣтивъ фактъ — не больше, идемъ дальше. Что касается того, какъ надлежитъ проводить праздники, то и эта сторона не оставлена безъ разъясненія въ Словѣ Божіемъ. Противъ взгляда на дѣло современныхъ Господу евреевъ и подобныхъ имъ людей всѣхъ временъ отгннимъ прежде всего случай изъ земной жизни Спасителя, когда Онъ шелъ со Своими Учениками *въ субботу по заставнымъ полямъ*. Ученики Его, подъ вліяніемъ чувства голода, *срывали колосья и тли*, и Господь не только не упрекнулъ ихъ за это, но даже защитилъ отъ нападокъ іудейскихъ... (Мѡ. XII, 1—8; Мрк. II, 23—28; Лук. VI, 1—5.). Затѣмъ, встрѣтивъ въ одну изъ субботъ сухорукаго, Господь обратился къ наблюдавшимъ за Нимъ іудеямъ съ вопросомъ: *что должно дѣлать въ субботу? Добро, или зло? Спасти душу, или погубить? Они молчали...* (Лук. VI, 6—11¹). Въ субботу также былъ исцѣленъ Спасителемъ 38 лѣтъ стра-

¹) ... что достоинъ въ субботы, добро творити или зло творити? душу спасти или погубити? Они же умолчали... (ст. 9).

давшій разслабленный (Іоан. V, 1 и слѣдующіе стх.)... Всѣ эти обстоятельства ясно показываютъ, что совершеніе добрыхъ дѣлъ, добра должно имѣть мѣсто и въ субботу, т. е., выражаясь нашимъ языкомъ, и въ праздничные дни. Съ теченіемъ времени христіанскою церковію постепенно все подробнѣе и подробнѣе выяснялось, какъ намъ проводить эти дни. Вопросъ рѣшенъ ею въ томъ именно смыслѣ, какой и указанъ нами въ началѣ нашихъ разсужденій о провозженіи послѣднихъ. Противъ представителей другой крайности достаточно припомнить смыслъ 4-й Моисеевой заповѣди — и только. Замѣтимъ мимоходомъ, что и въ наше время, при всѣхъ его недостаткахъ, заявляютъ о себѣ нѣкоторыя свѣтлыя стороны. Конечно, извѣстно читателямъ движеніе въ средѣ просвѣщенной части нашего общества, направленное къ освобожденію прикащиковъ отъ исполненія ими ихъ обязанностей въ воскресные и праздничные дни, чтобы и эти труженики могли и помолиться въ храмѣ, и отдохнуть въ своей семьѣ... И движеніе это, нужно сказать, не совсѣмъ ужъ безрезультатно. Хорошо и то.—Переходимъ къ рѣчи о *постяхъ*. Они весьма полезны для человѣка въ дѣлѣ молитвы. Извѣстно, что чѣмъ больше преданъ чувственности человѣкъ, тѣмъ слабѣе въ немъ—господство духовнаго начала. Эти два начала не могутъ ужиться между собою. А для того, чтобы человѣкъ могъ молиться, вполнѣ (конечно, въ предѣлахъ возможнаго) отрѣшившись отъ земныхъ влеченій и воспаривъ духомъ къ Богу, предварительно необходимо, чтобы онъ по мѣрѣ своихъ силъ ослабилъ влекущія его къ земному узы. Все это—истины, понятныя каждому. И вотъ, когда чувственное начало будетъ придавлено, а духовное возведено на подобающій ему пьедесталъ, тогда легко будетъ человѣку и молиться, какъ надлежитъ по существу. Постъ какъ разъ и служить цѣлямъ придавленія грѣховныхъ чувственныхъ влеченій и очищенія духовнаго нашего *Я*, возвышенія послѣдняго; постъ расчищаетъ путь для молитвы. Въ этомъ — великое нравственное его значеніе, его нравственный смыслъ. — Кромѣ того, и въ обыденной жизни сплошь и рядомъ имѣетъ мѣсто такое явленіе: случается съ нами какое-либо несчастіе, горе..., мы теряемъ всякій аппетитъ, не хотимъ даже и смотрѣть на самыя изысканныя кушанья: они намъ — противны. Это — разъ. А затѣмъ, потерявъ, напр., близкаго намъ человѣка, мы и по нѣкоторому самопринужденію отказываемъ себѣ въ продолжаю-

щихъ быть пріятными для насъ вещахъ и предметахъ, т. е., налагаемъ на себя также извѣстнаго рода и смысла постъ... Это—два. Если перенесемъ въ чисто-правственную сферу, то и здѣсь найдемъ весьма много поводовъ къ наложенію нами на себя поста физическаго и также духовнаго, поводовъ, кроющихся въ нашей духовной пустотѣ, грѣховности—крайне прискорбныхъ явленійхъ, болѣе прискорбныхъ, чѣмъ потеря близкаго лица или что либо иное въ этомъ же родѣ. При этомъ надлежитъ только внимательнѣе и безпристрастнѣе всматриваться въ свою духовную бѣдность... Открывается, такимъ образомъ, новая (сравнительно съ отмѣченной раньше) сторона значенія и смысла поста.—Но постъ имѣетъ еще и иное значеніе—чисто-житейское. Чередуюсь со скоромною, постная пища вносить разнообразіе, по свидѣтельству наилучшихъ медицинскихъ авторитетовъ, весьма полезное для нашего организма, не выносящаго однообразія. Невольно пріучая и располагая человѣка къ воздержной пищѣ, постъ, по свидѣтельству опыта, и съ этой стороны благопріятствуетъ укрѣпленію нашего организма. Взгляните на преданныхъ объяденію и на людей воздержныхъ. Даже и ви́шній видъ первыхъ часто внушаетъ къ себѣ непреодолимое отвращеніе; умственные способности ихъ спятъ, какъ окованныя узами чувственности... Совершенно другой видъ—видъ постника и вообще даже просто воздержнаго человѣка: благообразная наружность, полные энергіи глаза, всегда свѣтлый умъ, меньшая расположенность къ извѣстнымъ заболѣваніямъ и т. д. Наиболѣе строгая статистика удостовѣряетъ насъ въ болѣе долготѣи людей воздержныхъ, сравнительно съ невоздержными. Даже самый вопросъ о пользѣ для насъ, напр., животной пищи, объ ея преимуществахъ предъ растительною, породившій два враждебныхъ лагеря и особенно обострившійся въ послѣднее время, намъ, по крайней мѣрѣ, кажется, возникъ просто по недоразумѣнію и во всякомъ случаѣ не долженъ быть рѣшаемъ болѣе или менѣе опрометчиво (хотя бы уже въ виду тѣхъ данныхъ, какія въ настоящемъ случаѣ предлагаются опытомъ и какія у всѣхъ подъ руками)... Не говоримъ уже объ иныхъ еще сторонахъ, выдвигаемыхъ защитниками поста; напр., о томъ, что воздержный, постящійся человѣкъ, благодаря своему воздержанію, обыкновенно владѣетъ нѣкоторымъ избыткомъ своихъ средствъ и, слѣдовательно, болѣею возможностью помогать своимъ ближ-

нимъ... — не говоримъ объ этомъ просто потому, что здѣсь дѣло идетъ уже съ нѣкоторыми иногда натяжками, иногда обоюдоострыми вещами и т. д.: сострадательный человѣкъ, и при своей неводержности, поможетъ своему ближнему, а скупецъ, и при воздержности, откажетъ ему въ своей помощи... и пр. — Постъ, значеніе котораго нами намѣчено, проявляется, въ частности, въ воздержаніи отъ такъ называемой скоромной пищи въ извѣстное время года или въ извѣстные дни или въ воздержаніи отъ нѣкоторыхъ сортовъ и постной пищи въ извѣстное время, или въ воздержаніи на нѣкоторое время даже отъ какого бы то ни было рода пищи и проч. Нашею Церковію установлены извѣстные читателямъ посты въ извѣстное время года или въ извѣстные числа нѣкоторыхъ мѣсяцевъ, или въ извѣстные дни недѣли. Говорить объ этомъ, какъ дѣлѣ хорошо извѣстномъ читателямъ, не настоитъ надобности. Устанавливая посты, Церковь въ этомъ случаѣ прежде всего руководствовалась данными, заключающимися въ Словѣ Божіемъ. Эти данныя весьма ясны. Такъ, разсуждая объ условіяхъ изгнанія изъ человѣка бѣса, Господь замѣтилъ, что *сей родъ изгоняется только молитвою и постомъ* (Мѡ. XVII, 21 ¹). Значеніе поста, такимъ образомъ, велико: постъ — средство, противъ котораго безсильны и бѣсы. Говоря же съ Іоанновыми учениками по поводу того: *почему они и фарисеи постятся много, а Его — Христа — ученики не постятся*, Господь указалъ на пребываніе *сыновъ брачнаго чертога вмѣстѣ съ женихомъ*, какъ на условіе, исключающее возможность поста, и на то, что они *станутъ поститься, когда отнимется у нихъ женихъ* (IX, 15 ²). Этими словами указываются какъ разъ тѣ обстоятельства какія, между прочимъ, были отмѣчены выше и нами при разсужденіи о значеніи поста. Итакъ, что значеніе за постомъ, какъ такимъ, признавалъ Самъ Господь, это не подлежитъ сомнѣніямъ. *Постились, служа Господу*, и св. апостолы (Дѣян. XIII, 2); предъ такимъ важнымъ событіемъ, какъ *отдѣленіе Варнавы и Савла на дѣло, къ которому ихъ призвалъ Богъ, они совершили постъ и молитву...* (—3): ру-

¹) Сей же родъ не исходитъ, токмо молитвою и постомъ.

²) ... еда могутъ сынове брачнїи плакати, елико время съ ними есть женихъ? Придутъ же днїе, егда Потѣмнется отъ нихъ женихъ, и тогда постятся.

коположивъ пресвитеровъ въ каждой церкви, свв. Павелъ и Варнава помолились съ постомъ, и предали ихъ Господу... (XIV, 23). Приведеніе другихъ свидѣтельствъ для обоснованія положенія о важности и значеніи поста уже излишне. При этомъ, само собою разумѣется, что свое значеніе (нравственное) постъ сохраняетъ лишь въ томъ случаѣ, когда онъ разсматривается только въ виду вышеотмѣченныхъ моментовъ. Если же онъ разсматривается только какъ постъ, въ его обособленности отъ того, съ чѣмъ онъ долженъ стоять во внутренней связи, тогда о нравственномъ его значеніи разсуждать нѣтъ основаній (ср. Мѡ. XV, 8, 11 и др.). — Помимо библейскихъ данныхъ, св. Церковь, устанавливая постъ, руководствовалась и соображеніями, совпадающими съ большинствомъ приведенныхъ выше, именно съ указанными нами въ началѣ нашей рѣчи о постѣ... — Въ наше время, къ сожалѣнію, слово: *постъ* имѣетъ смыслъ въ устахъ почти только простого народа, еще не ознакомившагося съ фабричною и вообще съ городскою жизнію. Среди же такъ пазываемаго образованнаго класса о немъ по большей части говорятъ лишь съ улыбкою на устахъ, считая его отжившимъ свой вѣкъ. Въ свое оправданіе подобныя лица или ссылаются на ложно толкуемыя ими библейскія мѣста, или говорятъ о постѣ, какъ губителѣ здоровья человѣка, и проч. Но, конечно, и сами они, и ихъ слушатели прекрасно сознаютъ, что источникъ ихъ мыслей не въ библейскихъ мѣстахъ, смыслъ которыхъ нами намѣченъ, и не въ ихъ заботахъ о здоровьи своего организма (о вліяніи на послѣдній поста нами также сказано), а просто въ привлекательности для ихъ вкуса скоромной пищи. Это—такъ ясно, что всякій серьезный споръ съ данными лицами на данную тему совершенно невозможенъ. Разумѣется, когда дѣло идетъ о тяжело больныхъ, то въ этомъ случаѣ взглядъ на пищу измѣняется: здѣсь, въ случаѣ надобности, и во время поста дается больному скоромная пища, разсматриваемая уже какъ лѣкарство. Но это, повторяемъ, уже иное дѣло, и говорить о немъ не видимъ побужденій.

Рѣчь о *первомъ* особомъ проявленіи Богопочитанія, т. е., молитвѣ, нами окончена. Но прежде, чѣмъ перейти ко *второму*, скажемъ нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ возраженіяхъ противъ молитвы. Нѣкоторые возражаютъ: Богъ—всевѣдущъ; слѣдовательно, Ему не могутъ быть неизвѣстны наши нужды и потребности; отсюда, какъ Промыслитель о насъ, Онъ по-

можетъ намъ всегда и безъ нашихъ молитвъ. Все это, конечно, такъ. Однако, для истиннаго пониманія дѣла другіе совѣтуютъ присмотрѣться къ аналогичному въ данномъ случаѣ явленію: къ отношеніямъ между родителями и дѣтьми. Родители заботятся о дѣтяхъ, знаютъ объ ихъ потребностяхъ. (Однакожъ, имѣютъ въ виду и то, чтобъ дѣти сами (особенно достигшія извѣстнаго возраста) прежде сознали свои потребности, сознали, что безъ помощи родительской имъ здѣсь не обойтись, и — чтобъ движимые надеждою на своихъ родителей, любовью, уваженіемъ къ нимъ, они опять — таки сами сначала обратились къ послѣднимъ со своими просьбами. Такой порядокъ дѣла считается вообще нормальнымъ. Онъ уместенъ и въ отношеніяхъ между людьми — дѣтьми Божіими и Богомъ — ихъ Отцомъ. При томъ, человѣку дано извѣстное назначеніе, къ выполненію котораго онъ долженъ стремиться своею жизнедѣятельностію. Ведущая къ его конечной цѣли жизнедѣятельность — добродѣтель. Она должна быть результатомъ собственныхъ усилій человѣка. Послѣдній, конечно, не можетъ обойтись безъ помощи Божіей. Она нужна ему постоянно. Но онъ прежде долженъ заслужить ее, насколько то, разумѣется, въ его силахъ. Вотъ молитва-то здѣсь, между прочимъ, и является однимъ изъ средствъ, помогающимъ человѣку пріобрѣсть благоволеніе Божіе, — такъ какъ истинная молитва — дѣло не легкое, требуетъ большихъ усилій со стороны человѣка... и, во всякомъ случаѣ, весьма цѣнное въ очахъ Божіихъ дѣло... Другіе изъ противниковъ молитвы указываютъ на то обстоятельство, что все во вселенной идетъ своимъ, разъ навсегда предустановленнымъ, путемъ, въ строгой зависимости отъ законовъ, вложенныхъ Богомъ въ сущность міровой жизни, такъ что, слѣдовательно, наши молитвы не въ состояніи внести въ ходъ послѣдней никакихъ измѣненій и отсюда въ своемъ существѣ нелѣпы... (мнѣніе Канта и друг.). Въ отвѣтъ подобнымъ лицамъ обыкновенно указываютъ, что Богъ сотворилъ человѣка и надѣлилъ его свободою волею. Въ силу этой свободы человѣкъ многое произвольно измѣняетъ въ физическомъ мірѣ. Что же касается міра нравственнаго, то здѣсь все въ сущности стоитъ въ прямой зависимости отъ нравственной свободы человѣческой. Итакъ, не все въ ходѣ міровой жизни находится внѣ условій посторонняго на него воздѣйствія. И нѣтъ ничего страннаго въ надеждѣ человѣка съ помощію молитвы достигнуть нѣкотораго (желательнаго) измѣненія жизненныхъ

ого обстоятельствъ и т. д. Въ пользу этой истины Слово Божіе высказывается весьма опредѣленно. Оно ясно и подробно говоритъ о тѣхъ измѣненіяхъ въ жизни человѣка и окружающей послѣдняго природы, какія стоятъ въ непосредственной зависимости отъ такого или иного нравственнаго поступанія человѣка (см. Второз. XXVII, 15 — 26; XXVIII, 1 — 68; XXXII, 39 и т. д.). Если же, по слову Божію, нравственное поступаніе можетъ такъ или иначе измѣнять окружающія человѣка внѣшнія условія, то отсюда ясно, что и молитвенное настроеніе, являющееся важною добродѣтелью, можетъ рассчитывать на достиженіе тѣхъ же цѣлей. Когда мы говорили о свойствахъ молитвы, то это обстоятельство и было нами отмѣчено съ точки зрѣнія именно откровенныхъ данныхъ.

Затѣмъ раньше рѣчи объ обѣтахъ скажемъ еще нѣсколько словъ объ обнаруженіяхъ, не гармонирующихъ съ истиннымъ понятіемъ о молитвѣ. Подробной рѣчи о нихъ вести не предстоитъ надобности: выше была предложена положительная характеристика и молитвы, и тѣхъ обнаруженій, которыя стоятъ съ нею въ непосредственной связи, — и все, что такъ или иначе не подходитъ къ намѣченнымъ тамъ рамкамъ, и является уже однимъ изъ моментовъ, о какихъ мы намѣрены сейчасъ говорить. Отсюда мы ограничимся оттѣненіемъ наиболѣе рельефныхъ изъ нихъ. — Обыкновенно молитва и все, соединенное съ нею, нашими отечественными моралистами относится къ области такъ называемаго *внѣшняго Богопочитанія*, но относится разумѣется, неправильно: большая часть сущности молитвы и проч., что здѣсь въ виду имѣется, падаетъ на область внутреннѣйшей жизни нашего *Я*; внѣшнія же обнаруженія послѣдняго имѣютъ сравнительно лишь второстепенное значеніе и то поскольку они стоятъ въ непосредственной связи съ внутренними. Называть цѣлое именемъ меньшей и ничтожнѣйшей части — неосновательно. Все это мы говоримъ, впрочемъ, не съ намѣреніемъ полемизировать съ кѣмъ-либо, такъ какъ это было бы вполне безцѣльно, а для того, чтобы отмѣтить всѣмъ очевидную истину, что въ молитвѣ и томъ, что тѣсно съ нею связано, двѣ стороны (хотя и не равнаго достоинства). — Нѣкоторые люди, обыкновенно по недостаточности истиннаго пониманія дѣла, ограничиваютъ исполненіе послѣдняго одною только *внѣшнею* стороною: читаютъ, произносятъ молитвы, соблюдаютъ посты, посѣщаютъ

общественное богослуженіе, жертвуютъ большія суммы на устройство и украшеніе храмовъ и т. д., но внутреннее ихъ *И* въ этомъ обыкновенно не принимаетъ участія. Подобное отношеніе безусловно ненормально. Это ясно. Это—трупъ, въ которомъ, какъ именно трупъ, духа нѣтъ. Подобное нежелательное явленіе, по большей части имѣющее мѣсто въ низшемъ классѣ нашего народа, должно быть всячески устраняемо стараніями нашихъ пастырей. Но, если невѣжественный человѣкъ допускаетъ указанное отношеніе къ дѣлу именно въ силу своего невѣжества, то такъ называемый интеллигентный человѣкъ, — иногда допуская тоже просто по лѣности своей, по слабости своего характера, не позволяющей ему настроить себя гармонично съ произносимыми имъ молитвами или совершаемыми имъ дѣлами..., — чаще заявляетъ о себѣ еще менѣе желательнымъ моментомъ: по просту сказать—*фарисействомъ*. По внѣшности фарисей, кажется, человѣкъ благочестивый: онъ и молится, и посѣщаетъ храмъ Божій и т. д., не оставляя безъ исполненія ниоднаго церковнаго постановленія. Но все ограничивается только *показною* внѣшностію. Все дѣло сводится къ тому, чтобы послѣднюю привести публику въ заблужденіе относительно сужденія о наличныхъ достоинствахъ фарисея. Наивные люди считаютъ фарисея благочестивымъ, такъ какъ не знаютъ, что онъ—именно фарисей. А между тѣмъ вдали отъ лицъ, показать свое мнимое благочестіе которымъ для него по чему либо—расчетъ, подобный человѣкъ часто ведетъ себя крайне разнузданно; внутри же онъ и всегда настроенъ нравственно-дурно. Это — актеръ, но въ гнуснѣйшемъ смыслѣ слова. О Богѣ онъ, конечно, не думаетъ. Ему важно даннымъ путемъ устроить лишь свое земное благополучіе. Гнусность фарисея—неизмѣрима. Онъ—безотвѣтенъ. Всѣмъ извѣстны угрозы фарисеямъ, высказанныя Спасителемъ (Мѣ. XXIII, 2 и т. д.). Сказанное въ отношеніи къ древнимъ фарисеямъ вполнѣ умѣстно и въ отношеніи къ фарисеямъ всѣхъ другихъ временъ...—Разсмотрѣнные представители двухъ ненормальностей въ дѣлѣ молитвы и проч., по крайней мѣрѣ, съ наружной стороны показывали, что они съ заботливостью относятся къ дѣлу. Но были и есть лица, не только не скрывающія и не маскирующія своего образа мыслей, но даже бравурно отгѣняющія послѣдній предъ всѣми. При этомъ, разумѣется образъ мыслей—нравственно-дурной, а не иной какой-либо. Мы го-

воримъ о лицахъ, всячески глумящихся и издѣвающихъ и надъ молитвою, и надъ христіанскими храмами, и надъ тѣмъ, что въ нихъ находится и совершается, и надъ постами и т. д. Это—такъ называемые *кощуны*. Такими лицами особенно богато современное общество. Глумятся не только на словахъ, не только въ частной бесѣдѣ..., но и на дѣлѣ, даже въ печати (особенно уличной). Всѣмъ памятенъ тѣ неистовые фельетоны подобнаго направленія, какіе нѣсколько лѣтъ назадъ печатались въ одной большой газетѣ и нынѣ въ видѣ отдѣльнаго оттиска, продаются, изданные далеко не первымъ тисненіемъ! И это не единичное явленіе. Не такъ давно въ одномъ театрѣ «давалась» опера: «Ночь подъ Рождество». Сюжетъ — гоголевскій. Между прочимъ, выводится на сцену дьякъ. Составитель «программы», очевидно, чувствовалъ всю неловкость выводить на сцену подобное лицо. Отсюда онъ назвалъ его просто «бурсакомъ». Но въ дѣйствительности на сцену выходитъ человѣкъ въ подрясникѣ и съ волосами, заплетенными въ косичку: точь въ точь дьячекъ прежнихъ временъ. Наша публика рада случаю поглумиться: и вотъ она (замѣтите: это — такъ называемая интеллигентная публика), лишь взглянувъ на артиста, изображавшаго дьяка, «разражается» гомерическимъ хохотомъ. Лишь немногія лица отнеслись къ дѣлу иначе. Но все сказанное — еще полъ-бѣды! Вся «суть» дальше: творецъ оперной музыки влагаетъ въ уста дьяка мотивы, напоминающіе собою «другіе» мотивы, да еще и какъ напоминающіе! Какіе это «другіе» мотивы, читатели, конечно, догадываются. А публика (*почти* вся) опять гогочетъ, вызываетъ скомороха съ неистовствомъ... Удивителенъ и композиторъ, удивительна и публика, сочувствующая послѣднему!.. Впрочемъ, довольно... Каждый изъ читателей, я полагаю, видѣлъ на своемъ вѣку кощуновъ всякаго рода. Впрочемъ, и между ними обособляются два главныхъ типа: одинъ типъ—это—кощуны, изощряющіеся въ искусствѣ просто «такъ-себѣ», по недоразвитости, даже по глупости, не желающіе, да иногда и не могущіе дать себѣ отчетъ въ совершаемомъ ими...; другой типъ—это—болѣе ужасные кощуны, допускающіе издѣвательства даннаго рода по чувству всепроникающей ихъ злости на все, относящееся къ христіанской религіи... Лица послѣдняго рода уже безъ особаго труда переходятъ къ тому, что называется *богохульствомъ*, тѣмъ болѣе, что и ихъ кощунство въ сущности

сводится къ тому же. Богохульство — верхъ печестія, это — *гула на Духа Святаго*, это — грѣхъ, за который человѣку не будетъ дано прощенія *ни въ сей вѣкъ, ни въ будущемъ* (Мѡ. XII, 31, 32 ¹⁾; Мрк. III, 28, 29 ²)... — Моралистами обыкновенно отмѣчаются еще два выдающихся проявленія изъ числа относящихся къ разсматриваемымъ нами: это — *святотатство* и *симонія*. Подъ первымъ разумѣютъ такое явленіе, когда кто-либо, вмѣсто уваженія ко всему священному, оказываетъ въ отношеніи къ этому презрѣніе: смотря на священные предметы, какъ на самыя обыкновенныя вещи, похищаетъ ихъ всякими путями. Если прежде, при высокомъ уровнѣ религіозно-нравственного чувства у нашихъ соотечественниковъ, были немислимы подобныя явленія, то теперь они — заурядны: раскройте любую газету и вы не рѣдко встрѣтите извѣстія о грабежѣ вещей изъ какого-либо храма и пр. И если подобные случаи еще не болѣе часты, то причина лежитъ не въ добропорядочности воровъ, а въ невозможности для нихъ проникнуть въ храмъ... Впрочемъ, подъ святотатствомъ разумѣютъ также похищеніе не только матеріальныхъ священныхъ предметовъ, но и духовныхъ святынь: указываютъ на «педостойное» пріобщеніе Тѣла и Крови Христовыхъ (сравн. Мѡ. VII, 6) и т. п. Исторія Симона, бывшаго прежде волхвомъ, потомъ давшаго имя дальнѣйшему изъ подлежащихъ нашему разсмотрѣнію моментовъ, извѣстна изъ кн. Дѣян. Ап. (VIII, 9, 13, 18—24). Извѣстны читателямъ также и сказанныя Господомъ, при отправленіи Имъ на проповѣдь 12-ти учениковъ слова: *даромъ получили, даромъ и давайте* (Мѡ. X, 8 ³). Не смотря на ясныя данныя, предлагаемыя Словомъ Божиимъ по разсматриваемому пункту, симонія практиковалась тамъ или сямъ осязательно: деньги или инныя соблазнительныя условія часто замѣняли собою отсутствіе всякихъ внутреннихъ достоинствъ извѣстнаго лица и доставляли послѣднему извѣстное положеніе въ церковной іерархіи и т. д. и т. д. Такъ, въ католическомъ мірѣ симонія практиковалась почти открыто и какъ бы на самомъ законномъ основаніи...

¹⁾ ... *иже речетъ на Духа Святаго, не отпустится ему, ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій...* (стх. 32).

²⁾ ... *иже восхулитъ на Духа Святаго, не имать отпущенія во вѣки, но повиненъ есть вѣчному суду...* (стх. 29).

³⁾ .. *туне пріясте, туне дадите...*

II.

На-ряду съ молитвой, особымъ же видомъ Богопочтенія является извѣстный подъ именемъ *обѣтовъ*. Какъ показывается самое имя, дѣло идетъ о какомъ то обѣщаніи. Подъ обѣтами дѣйствительно и разумѣются обѣщанія, даваемые человекомъ Богу или святымъ Его при различныхъ обстоятельствахъ жизни и по различнымъ побужденіямъ. Такихъ обстоятельствъ и побужденій—много въ жизни каждого изъ насъ, и нѣкоторыя изъ нихъ общи у всѣхъ насъ. Каждый изъ насъ приступаетъ къ таинству крещенія, гдѣ даетъ самъ лично (если онъ—взрослый) или за него воспріемники (если онъ—дита) обѣщаніе Богу проводить всю свою жизнь въ соотвѣтствіи съ божественною волею. Затѣмъ, ставъ христіаниномъ, каждый же изъ насъ или однажды въ годъ, или чаще приступаетъ къ таинству покаянія. Раскаиваясь въ своихъ грѣхахъ, мы даемъ Богу обѣщаніе на будущее время воздерживаться отъ допущенныхъ нами грѣховныхъ дѣлъ и даже мыслей, намѣреній... По достиженіи зрѣлаго возраста мы предъ лицомъ Божиимъ даемъ обѣщаніе вѣрою и правдою служить своему царю. Въ частности, занимая извѣстную должность, мы даемъ обѣщаніе проходить ее согласно съ требованіями законовъ и совѣсти, подтверждая истинность своего внутренняго настроенія и намѣренія клятвою. Тѣ изъ насъ, кто вступаетъ въ бракъ, также высказываютъ предъ лицомъ Бога обѣщаніе быть вѣрными другъ другу и т. д. Все это — случаи, имѣющіе мѣсто въ жизни или каждого изъ насъ, или (напр., бракъ...) бѣльшей части изъ насъ. Кромѣ того, въ жизни отдѣльных лицъ иногда случаются различныя обстоятельства, въ свою очередь, также служащія поводомъ къ дачѣ ими такихъ или иныхъ обѣщаній. Замышляетъ ли человекъ какое-либо трудное дѣло, попадаетъ ли онъ въ бѣду, постигаетъ ли его тяжкій недугъ и т. д.,—во всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ случаяхъ онъ часто даетъ Богу тотъ или иной обѣтъ, если дѣло благополучно окончится или—если бѣда его минуетъ, или—если недугъ оставить его и т. д. Подобные случаи въ нашей жизни—весьма часты. Не приводя какихъ-либо отдѣльных происшествій изъ нашей жизни въ примѣръ, такъ какъ они у каждого изъ насъ подъ рукой, отгнѣнимъ лучше нѣсколько случаевъ, записанныхъ въ Библіи и потому болѣе поучитель-

ныхъ. Патр. Іаковъ даетъ Богу обѣтъ, что камень, служившій ему изголовьемъ, *будетъ домомъ Божиимъ* и проч., если онъ—Іаковъ—благополучно возвратится изъ Месопотаміи, куда лежалъ его путь... (Быт. XXVIII, 20—22; сравн. 1—19 стх.). Судія Іефѳай далъ обѣтъ, въ случаѣ благополучнаго исхода войны съ Аммонитянами, принести въ жертву Богу первое, что попадетъ ему навстрѣчу изъ его дома при его возвращеніи туда (Суд. XI, 30. 31). Извѣстенъ обѣтъ Анны—посвятить на служеніе Богу дитя мужескаго пола, если только Богъ услышитъ ея молитву и дастъ ей послѣднее (1 Цар. I, 11). Объ обѣтахъ, какъ явленіи обычномъ, встрѣчаемъ свидѣтельства и въ Новомъ Завѣтѣ: такъ, св. ап. Павелъ остригаетъ свою голову *по обѣту* (Дѣян. XVIII, 18); упоминаются какихъ-то четыре человѣка, давшіе также обѣтъ Богу (—XXI, 23) и т. д. (сравн. еще: Псал. LXV, 13 и проч.). Приведенные примѣры указываютъ на частныя обстоятельства изъ жизни упомянутыхъ лицъ, вызвавшія различныя обѣты послѣднихъ.—Спрашивается: что за смыслъ обѣтовъ? Въ обыденной жизни мы нерѣдко говоримъ другъ другу: если ты сдѣлаешь для меня то-то и то-то, то и я общаю тебѣ то-то и то-то... Выходитъ своего рода мѣна, услуга за услугу. Между людьми подобныя отношенія, конечно, и понятны,—какъ отношенія другъ къ другу субъектовъ равныхъ по существу. Возможны ли эти отношенія между человѣкомъ и Богомъ? Можетъ ли имѣть мѣсто и здѣсь услуга за услугу? Конечно, Богъ не нуждается въ нашихъ услугахъ. Конечно, человѣкъ не можетъ, такъ сказать, вознаградить Бога за Его милости. Отсюда нѣкоторые богословы (протестантскаго направленія) отрицательно смотрятъ и на самую возможность какихъ-либо обѣтовъ, отмѣченныхъ религіознымъ характеромъ. Противники ихъ, однако же, смотрятъ на вопросы иначе: они резонно замѣчаютъ, что здѣсь на сцену выступаетъ не какая-либо мѣна, не взаимность услугъ..., а то, подобное чему бываетъ и между людьми: признательность, благодарность. Этотъ и только этотъ элементъ и составляетъ все содержаніе отмѣчаемыхъ разсматриваемыми обѣтами отношеній человѣка къ Богу. Отсюда дѣло получаетъ совсѣмъ иной видъ. При томъ, мѣна, взаимность услугъ въ человѣческихъ отношеніяхъ—нѣчто обязательное; во всякомъ случаѣ, нѣчто такое, отсутствіе чего дурно рекомендуетъ извѣстнаго человѣка. Между тѣмъ обѣты религіознаго характера отгѣнка обязательности не имѣютъ, т. е.,

дающій обѣтъ человѣкъ ничѣмъ не вынуждается давать его: онъ можетъ отблагодарить Бога и инымъ путемъ и списать Божіе благоволеніе... Отсюда обѣты получаютъ тѣмъ цѣннѣйшій смыслъ, какой имъ дѣйствительно и присущъ... Однакожъ, противники обѣтовъ (изъ того-же все лагера) пытаются отстоять свои взгляды и иными еще соображеніями: нравственно-хорошій субъектъ, разсуждаютъ они, всегда старается поступать добродѣтельно, всегда проявляетъ свою благодарность въ отношеніи къ Богу; нравственно-дурной поступаетъ наоборотъ; и тотъ, и другой ведутъ себя постоянно такъ, безотносительно къ какимъ бы то ни было обѣтамъ. Наличность послѣднихъ, равно какъ и отсутствіе ихъ—не измѣняютъ картины ни-мало. Отсюда, говорятъ, обѣты не нужны. Правда, что нравственно-добрый и нравственно-дурной люди живутъ въ извѣстномъ направленіи и по-мимо обѣтовъ; но послѣдніе, тѣмъ не менѣе, смысла своего не теряютъ. Дѣло въ томъ, что человѣкъ, поскольку онъ—именно человѣкъ, слабъ; силы его, даже и значительныя, не могутъ быть всегда равны себѣ; энергія его въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ ослабѣть и т. д. Отсюда всякая сторонняя поддержка при случаѣ можетъ быть весьма полезна для всякаго. Обѣтъ, между прочимъ, и служить такою поддержкою. Положимъ, я обѣщаль, въ случаѣ успѣха того или иного изъ моихъ предпріятій, помогать бѣднымъ,—обѣщаль предъ лицомъ Бога. Предпріятіе удалось, а я забываю или не прочь бы уклониться отъ исполненія своего обѣта. Но сознаніе важности послѣдняго, сознаніе соединенныхъ съ нарушеніемъ его результатовъ побуждаетъ меня оставаться вѣрнымъ своимъ словамъ. И я остаюсь. Здѣсь—великое значеніе обѣтовъ для человѣка, какъ для человѣка... Словомъ, съ какой бы стороны мы ни посмотрѣли на обѣты, ихъ значеніе неоспоримо. Поэтому и Слово Божіе смотритъ на вопросъ положительно же: съ одной стороны, повелѣваетъ намъ давать обѣты Господу въ случаяхъ, разумѣется, надлежащихъ (Псал. LXXV, 12), съ другой, заповѣдуетъ строго исполнять данные, при томъ, исполнять немедленно; иначе же Оно не совѣтуетъ и давать ихъ (Еккл. V, 3. 4); съ третьей, предаетъ проклятію всякаго нарушителя послѣднихъ (Малах. I, 14) и т. д. Итакъ, съ точки зрѣнія Слова Божія, обѣты весьма важны; иначе нарушеніе ихъ не влекло бы за собою такого грознаго, по адресу нарушителей, приговора.

Помимо тѣхъ обътовъ, какіе нами намѣчены, какіе имѣютъ мѣсто или въ отношеніи ко всѣмъ намъ, или—къ бѣльшей части изъ насъ, или какіе умѣстны въ обыкновенной жизни отдѣльныхъ лицъ, обусловливаясь индивидуальностью каждаго изъ послѣднихъ..., есть объты особаго рода, не обыкновенные. Хотя они относятся къ разряду только что упомянутыхъ, отмѣченныхъ печатью индивидуализма, обътовъ, но нами обособляются въ виду ихъ отличительныхъ свойствъ, какъ не умѣстные въ обыденной, обыкновенной жизни. Разумѣмъ, конечно, объты *монашества* ¹⁾: безбрачіе, нищету, отреченіе отъ своей воли. Какъ смотрѣть на эти объты? Дѣло вотъ—въ чемъ. Каждый христіанинъ стремится къ достиженію небеснаго царства. Путемъ, ведущимъ въ него, является слѣдованіе предписаніямъ нравственнаго закона. Но это слѣдованіе можетъ разнообразиться примѣнительно къ личнымъ особенностямъ каждаго въ отдѣльности индивидуума. Иной человѣкъ можетъ спастись, не давая обътовъ въ родѣ указанныхъ нами ²⁾. Иной можетъ спастись или, по крайней мѣрѣ, надѣется спастись только подъ условіемъ слѣдованія имъ. Такимъ образомъ, инокъ, давая извѣстные объты, вовсе не думаетъ о достиженіи иноческаго жизнью какихъ либо особыхъ преимуществъ, ставящихъ его высоко надъ прочими смертными, вовсе не надѣется этимъ путемъ достигнуть какой-либо такой степени совершенства, достиженіе которой безусловно не обязательно для всѣхъ остальныхъ. Онъ стремится къ тому же, къ чему должны стремиться и прочіе люди. Различіе, повторяемъ, только то, что онъ надѣется удобнѣе и скорѣе достигнуть цѣли, слѣдуя тѣмъ тремъ обътамъ, между тѣмъ какъ другіе люди, въ силу присущихъ имъ личныхъ особенностей, надѣются придти къ той же цѣли инымъ путемъ. Слѣдовательно, о какой-либо гордости своими подвигами инокъ вовсе не думаетъ. Знакомство съ великими представителями иноческой жизни показываетъ, что эти бѣжали въ пустыни потому, что считали невозможнымъ для себя или затруднительнымъ дѣломъ спастись, оставаясь въ мірѣ, ведя брачную

¹⁾ Скажемъ о нихъ кратко. За подробностями же отсылаемъ къ другимъ своимъ статьямъ: чит., напр., „Христ. Чт.“ за 1896 г., ноябрь—декабрь и друг.

²⁾ Православная христіанская церковь знаетъ и чувствуетъ лицъ—какъ святыхъ, которыя, однакожь, всю свою жизнь провели въ обычныхъ условіяхъ, не давая такихъ обътовъ...

жизнь и проч. Никому изъ этихъ великихъ иноковъ и въ голову не приходило превозноситься своимъ образомъ жизни. Напротивъ, смиреніе и сознаніе (не горделивое, а истинное, искреннее) своего собственного недостоинства — отличительныя черты, характеризующія собою всѣхъ великихъ и достославныхъ иноковъ. Кто не пожелалъ бы согласиться съ нами, тому мы посовѣтовали бы внимательно прочесть, напр., изумительныя по своей глубинѣ «подвижническія слова аввы Исаака Сиріянина» ¹⁾.., или посовѣтовали бы вникнуть въ смыслъ такого, напр., факта изъ жизни одного великаго пустынника. Послѣдній (пр. Макарій Египетскій), согласно божественному голосу, пошелъ въ одно селеніе, чтобъ посмотрѣть на образъ жизни двухъ женщинъ, которыя, — говорилъ голосъ, — стояли выше даннаго отшельника въ нравственномъ отношеніи... И что-же въ концѣ концовъ оказалось? Оказалось, что эти женщины — замужнія и вели обычную «мірскую» жизнь. Но что же возвышало ихъ въ нравственномъ отношеніи, такъ что даже самъ великій подвижникъ пришелъ у нихъ учиться? А то, что онѣ не ссорились между собою, не вели пустыхъ, праздныхъ разговоровъ, жили мирно, помышляли о Богѣ и Его святыхъ, раздавали милостыню, постились, молились... Пр. пустынникъ, познакомившись съ образомъ жизни этихъ женщинъ, сказалъ себѣ, что все дѣло заключается въ «правомъ произволеніи», а «не въ имени монаха, мірянина, дѣвы, замужней женщины»..., и что онъ самъ не достигъ еще совершенства этихъ мірянокъ... ²⁾ Итакъ, какъ сказано, иноческій и мірской образы жизни (оба достохвалныя, если ведутся должнымъ образомъ и при надлежащихъ условіяхъ) обусловливаются личными особенностями каждаго человѣка, такъ что если кому, по слову Господню, дано *вмѣстить слово сіе*, т. е., вести иноческую жизнь, то такой человѣкъ и долженъ, обязанъ дѣлать это, — и наоборотъ. Поэтому лицамъ, помышляющимъ о томъ: какой образъ жизни для каждаго изъ нихъ болѣе умѣстенъ, *крайне* необходимо строго всмотрѣться въ свои индивидуальныя черты, разобратъ, къ чему кто изъ нихъ имѣетъ больше склонности и расположенія и

¹⁾ Они перевед. на русск. яз. и изданы въ 1854 г., въ Москвѣ. Есть и болѣе нов. изданіе ихъ.

²⁾ „Aprophthegmes sur saint Macaire“: pp. 228-230 (изд. E. Amélineau. Paris. 1894). Подробности см. въ печатаемомъ нами изслѣдованіи о. пр. Макарія Египетскомъ.

только послѣ того уже дѣлать рѣшительный шагъ въ томъ или иномъ направленіи. Иначе результаты для нихъ будутъ весьма плачевны, и вмѣсто осуществленія цѣли своего бытія на землѣ они, т. е., лица, осуществлять то, что ни-мало къ той цѣли не относится...—Отказываясь отъ брачной жизни,¹⁾ отъ всякой собственности, наконецъ, ставя свою волю въ подчиненіе волѣ внѣшней, сторонней, иноки обыкновенно жили въ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ не было мірскихъ соблазновъ, влекшихъ ихъ къ нарушенію ихъ троякихъ обътовъ. При этомъ, одни изъ иноковъ проводили свою жизнь въ полномъ одиночествѣ; другіе—въ сообществѣ съ людьми, одинаково съ ними настроенными, помогая другъ другу и облегчая подвиги другъ друга взаимными услугами. Иные изъ подобнаго рода подвижниковъ оставались жить въ обществѣ остальныхъ, такъ называемыхъ «мірскихъ» людей. И тѣ, и другіе, и третьи поступали указаннымъ образомъ, согласуясь съ ихъ личными особенностями и силами. Въ соотвѣтствіи съ тѣми и другими стояли также и разнообразныя формы, въ какія отливалась жизнь и тѣхъ, и другихъ, и третьихъ. Такъ, одни, находя, что жизнь въ самой безлюдной пустынѣ не достаточно пустынна, заключались въ пещерахъ, откуда почти и не выходили, иные вели жизнь столпниковъ и проч. Жизнь же подвижниковъ благочестія, остававшихся въ «мірѣ» (въ извѣстномъ его смыслѣ), иногда отливалась въ странную на видъ форму такъ называемаго *юродства* и проч. Что касается относительной цѣнности различныхъ формъ подвижнической жизни, то нечего объ этомъ и говорить: каждая форма сама по себѣ цѣнна, а вытекающая изъ индивидуальныхъ особенностей того или иного субъекта — она стоитъ внѣ условій сравненія съ другою формою: если, въ силу своихъ внутреннихъ особенностей, одинъ съ большимъ трудомъ ведетъ правственнo-добрую жизнь, даже пользуясь поддержкою своихъ собратій въ дѣлѣ подвижничества, то другой, въ силу тѣхъ же особенностей, съ бoльшею легкостію ведетъ столь же высокую жизнь, даже предоставленный одному себѣ только и т. д. А разгадка и каждой отдѣльной формы подвижнической жизни, и даже самого подвижничества и иныхъ формъ человѣческаго существованія на землѣ кроется въ индивидуализмѣ каждаго

¹⁾ Чит. между прочимъ, нашу статью: «Къ вопросу о нормальныхъ условіяхъ жизни христіанской семьи» („Христ. Чит.“ 1898 г., апрѣль).

субъекта, разъ, слѣдовательно, всѣ эти явленія естественны и—значить—нормальны, eo ipso неосновательны всякаго рода воззрѣнія, отрицательно относящіяся къ монашескимъ формамъ жизни¹⁾). Не говоримъ уже (такъ какъ это не наша задача) о той чисто практической пользѣ для общества, какую приносило и приноситъ послѣднему монашество во всѣ времена (разумѣемъ, конечно, стоящее на приличествующей ему нравственной высотѣ; уклоненій отъ нормы въ виду естественно не имѣемъ),—пользѣ, которая часто была многозначительна... При томъ, и Слово Божіе съ похвалою отзывается объ истинныхъ подвижникахъ всякаго рода: о *скитавшихся въ милотяхъ и козыхъ кожахъ, терпя недостатки, скорби, озлобленія*, о *скитавшихся по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущеліямъ земли* и бывшихъ такими людьми, *которыхъ весь міръ не былъ достоинъ* (Евр. XI, 37, 38 и мног. др.²⁾). Всѣ такого рода подвижники указываются намъ Словомъ Божиимъ—какъ образцы, которыми мы должны руководствоваться въ своемъ нравственномъ поступаніи (—XII, 1 и мног. друг.)...—Итакъ, что въ данномъ случаѣ отъ насъ требуется существомъ нашей задачи, нами уже намѣчено. Однакожъ, прежде чѣмъ окончить настоящую рѣчь, остановимъ мимолетное, по крайней мѣрѣ, вниманіе на одномъ, довольно непонятномъ, повидимому, обѣтѣ, упомянутомъ выше—обѣтѣ *юродства*. Исторія передаетъ намъ о случаяхъ юродства. Въ частности, были юродивые въ старину³⁾ и у насъ въ Россіи⁴⁾). Все это извѣстно читателямъ. Что за смыслъ юродства? Грязные, оборванные, вообще съ крайне непривлекательнымъ внѣшнимъ видомъ юродивые совершали непонятныя дѣйствія, непонятныя, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ,—на предлагаемые имъ вопросы отвѣчали невпопадъ, опять, повидимому только,—тамъ, гдѣ обыкновенные люди боялись возвысить голосъ въ защиту правды, юродивые выступали смѣло и т. д. Въ тѣхъ,

¹⁾ Эти воззрѣнія—все изъ того же протестантскаго лагера.

²⁾ ... *проидоша въ милотехъ и въ козыхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлобленн: ихъ же не бѣ достоинъ (весь) міръ: въ пустыняхъ скитающесе и въ горахъ и въ вертепахъ, и въ пропастьехъ земныхъ...*

³⁾ О нынѣшнихъ юродивыхъ (изрѣдка заявляющихъ о себѣ) говорить считаемъ еще преждевременнымъ; здѣсь возможно впасть въ ошибку.

⁴⁾ Чит., напр., о. Ковалевскаго сочин.: „Юродство о Христѣ и Христа ради юродивые восточной и русской церкви. Историч. очеркъ житія сихъ подвижниковъ благочестія“. Москва. 1895 г.

кто не понималъ безумныхъ, повидимому, выходокъ, словъ и пр. юродиваго, послѣдній возбуждалъ смѣхъ; но дальновидные относились къ юродивому совсѣмъ съ другими чувствами, потому что они видѣли въ немъ необыкновеннаго чловѣка, и съ чуткостью прислушивались къ его словамъ, надѣясь найти въ нихъ даже указанія на грядущія событія. Въ дѣйствительности юродивые, обыкновенно обладавшіе вполне здоровымъ умомъ, были плодотворными проповѣдниками нравственныхъ началъ. Нельзя выступать проповѣдникомъ послѣднихъ, не пользуясь при выборѣ метода и вообще манеры проповѣдничества особенностями даннаго времени. Отсюда въ одно время умѣстны одни приемы, въ другое—иные и т. д. Бываютъ времена, когда положительное выясненіе сущности нравственныхъ началъ можетъ не повести ни къ чему плодотворному; между тѣмъ какъ противоположное отношеніе къ дѣлу можетъ привести къ противоположнымъ и результатамъ. Юродивые, т. е., лица, принявшія на себя подвигъ юродства, понимали это и въ своей жизнедѣятельности проводили рѣшеніе: выказавъ во всей наготѣ нравственно-дурные поступки и пр., тѣмъ самымъ вселить въ сердца своихъ современниковъ отвращеніе къ послѣднимъ и т. д.; своимъ поведеніемъ они старались выяснить, чѣмъ *не* должно быть поведеніе окружавшихъ ихъ людей. Конечно, это—весьма трудный и опасный подвигъ: требовалось большое стараніе и большой тактъ, чтобы не впасть въ гибельную крайность, не стать на ложный путь и чтобы не принести, вмѣсто пользы, вреда окружающей средѣ. Да, это—трудный подвигъ, но за-то онъ сравнительно и не частый, рѣдкій. Случаевъ *лже*-юродства было (и, пожалуй, есть) не мало: представители его—или люди, не понимающіе истиннаго смысла юродства, или—люди, пользующіеся послѣднимъ лишь только какъ особымъ средствомъ для осуществленія нѣкоторыхъ личныхъ (не особенно чистыхъ) плановъ. Но объ этихъ людяхъ мы не говоримъ. Что же касается истинныхъ выразителей юродства, то они, избирая для себя данный подвигъ, имѣли у себя въ виду нѣкоторыя библейскія данныя. Именно: *если кто изъ васъ думаетъ быть мудрымъ въ вѣкъ семъ, тотъ будь безумнымъ, чтобы быть мудрымъ* (1 Кор. III. 18 ¹) и слѣд.),—такъ говорить св. ап. Павелъ.

¹) ... *аще кто мнитсѣ мудръ быти въ вѣкъ, съ вѣкомъ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ...*

Богъ, говорить тотъ же св. апостолъ, избралъ немудрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное (—I, 27...; ¹⁾ ср. стх. 18—26, 28—29).

Но, сколь ни разнообразны всякія формы подвижничества и вообще Богопочитанія, всѣ онѣ, объясняемые и разносторонностью нашихъ отношеній къ Богу, и индивидуальными свойствами каждаго изъ насъ въ обособленности, и проч., концентрируются въ началѣ **любви** нашей **къ Богу**, — этомъ одухотворяющемъ наши отношенія къ Нему элементѣ.

А. Бронзовъ.

¹⁾ ... *буяя міра избра Богъ, да премудрѣя посрамить; и немощная міа избра Богъ, да посрамить крѣпкая...*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки